

Анастасия Уткина

Командант

Анастасия Уткина

Комендант

«Издательские решения»

Уткина А. В.

Комендант / А. В. Уткина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-595512-8

В глухой городок, оккупированный немецкими войсками, приезжает новый комендант — офицер Люфтваффе. С первого же дня его появления жители города понимают, что их жизнь больше не будет прежней...

ISBN 978-5-00-595512-8

© Уткина А. В.
© Издательские решения

Содержание

I	7
II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Комендант

Анастасия Владимировна Уткина

© Анастасия Владимировна Уткина, 2023

ISBN 978-5-0059-5512-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Эй, Люк, долго еще ты собираешься там сидеть? Поднимайся, мы уже закончили.

– Подожди, может, он клад нашел!

– Эй, Люк, ты клад нашел?

Дружный хохот эхом прокатился по пустым комнатам и спустился в неглубокий подвал, где на полу на корточках сидел Люк и перебирал какие-то старые бумаги, извлеченные им из такого же старого пыльного портфеля. Услышав крики друзей, он медленно сложил бумаги в портфель и, смахнув с него пыль, направился к лестнице. Навстречу ему в проеме подвальной двери возникли шесть пар любопытных глаз.

– Долго мы тебя будем ждать? Уже шесть вечера.

– После того как мы с Жеромом вынесли из подвала старый хлам, – спокойно ответил Люк, – я увидел этот портфель, заглянул в него, а там – бумаги.

– Бумаги? Интересно...

– Может, документы прежних хозяев?

– Вполне возможно. Там все на немецком.

– На немецком? Кто-нибудь из жителей Лозанны знает немецкий?

– Мой дедушка знает. Он мог бы перевести. Скажем, сегодня после ужина...

– Ты приглашаешь нас на ужин, Софи?

– Почему бы и нет...

– Вы полагаете, прилично читать чужие бумаги?

— — —

– Так, так, так, – протянул мсье Дюгге. Расположившись на террасе в окружении семи молодых людей, он неспешно перебирал найденные в старом подвале документы. – Это какие-то конспекты, записки, счета (не пойму, кому они принадлежали), вырезки из газет..., тетрадь. Посмотрим.

Мсье Дюгге перелистнул несколько пожелтевших от времени страниц.

– Похоже, это рукописи.

– Рукописи? Рассказ, роман, мемуары?

– Насчет мемуаров не знаю. Очевидно, рассказ.

– В том доме жил писатель?

– Понятия не имею, кто в нем жил. Мы переехали сюда пять лет назад, он уже тогда сдавался в аренду. Помнишь, Софи? А кто там жил раньше... Мне и в голову не приходило это выяснить. Хотя постойте, помнится мне, как-то мадам Перье говорила, что после войны домом якобы владел русский эмигрант.

– Русский? Тогда почему рукопись на немецком?

– Ну, для того чтобы это понять, надо ее прочесть. Чернила, правда, местами стерлись. Ну да ничего. Попробуем и так разобраться. Рассаживайтесь поудобней, друзья мои, думаю, нас ожидает интересный вечер.

I

«Ковыляя по нетвердой, размытой весенней непогодой дороге, автомобиль подъехал к небольшому особнячку и, фыркнув, остановился у его ворот. Из автомобиля вышли пятеро: водитель, офицер лет сорока, дама и двое детей. Подхватив чемоданы, водитель поспешил к дому, остальные последовали за ним. На пороге особняка их встретила невысокая полная женщина, одетая в скромное темное платье и белый передник. Она поздоровалась и жестом пригласила всех следовать за собой. Водитель с двумя тяжелыми чемоданами и офицер быстро прошли в гостиную. Там, после краткого диалога, водитель был отпущен, и офицер, сняв шинель, поднялся с поклажей в комнаты на второй этаж. Все это время супруга офицера молча стояла возле окна гостиной, рассматривая прилегавший к дому сад.

– Вид в саду сейчас неприглядный. Март – то снег, то слякоть, а вот в апреле-мае – красота! Ой, да что это я по-русски...

Супруга офицера обернулась и увидела горничную, встретившую их на пороге дома.

– Вид и теперь прекрасный. Я люблю март, в марте дышится легко – весной пахнет. А со мной можно и по-русски, я русская. Ольга Кирилловна.

Горничная растерянно пожала протянутую ей руку и пробормотала:

– Дарья.

Впрочем, она скоро оправилась от удивления и добавила уже весело:

– А это хорошо, что вы русская, а то я так испугалась, когда меня послали в дом нового коменданта, я немецкого-то не знаю!

Она, видимо, хотела еще что-то сказать, но, заметив спускавшегося по лестнице офицера, решила промолчать и занялась обедом.

Ольга Кирилловна подошла к мужу, и Дарья слышала, как они несколько минут что-то обсуждали, после чего Ольга отправилась в сад звать к обеду детей, которым позволила по приезде немного побыть на свежем воздухе.

Обедала семья молча, лишь изредка переговариваясь между собой. Дарья краем глаза наблюдала за новыми обитателями комендантского дома. Высокий молчаливый офицер показался ей довольно приятным на вид. Ольга, хрупкая молодая женщина с мягкой улыбкой и задумчивыми темными глазами, ей сразу понравилась. Особенно радовало ее то, что Ольга была русской. Десятилетний Пауль и восьмилетняя Анна оказались милыми и такими же молчаливыми, как и их отец. После обеда они вместе с матерью поднялись в свои комнаты, а офицер отправился в комендатуру знакомиться со своими подчиненными и новыми обязанностями.

Уклад жизни семьи нового коменданта Герхарда Штиллера сложился сразу же после ее прибытия в город В.: утром за комендантом приезжала машина и увозила его на работу. Обедал он дома. После обеда вновь уезжал и возвращался вечером. Ольга в его отсутствие занималась детьми и домом. По воскресеньям Штиллеры, как правило, никуда не выходили. Дарья в воскресенье всегда давали выходной, и потому она не знала, что происходило в этот день в семье коменданта.

Первое время после приезда нового начальника жизнь маленького городка текла почти без изменений по проложенному еще в начале оккупации руслу. Особых потрясений в нем не случалось, фронт был далеко, и потому солдаты и офицеры великой Германии чувствовали себя здесь в относительной безопасности. По словам начальника штаба, прежний комендант навел в городе железный порядок и покончил с вылазками партизан, докучавших ему своим сиденьем в непроходимых лесах. Что касается подполья, все тот же начальник штаба клятвенно уверил нового коменданта, что оно было ликвидировано еще осенью сорок первого. Герхард Штиллер слушал эти доклады с нескрываемым беспокойством. Он прекрасно понимал,

что это временное затишье вскоре должно неминуемо обернуться всеми ожидаемой бурей. Он намерен был поддерживать в городе порядок, но отнюдь не железной рукой, однако, как это ему удастся сделать, он толком не знал и потому чувствовал себя на новом месте как заброшенный на Луну отшельник. Для начала комендант решил познакомиться со всеми городскими службами и объектами, включая их непосредственный персонал, чтобы точнее уяснить методы работы, которые позволили бы ему сохранить тишину и спокойствие наряду с избеганием человеческих потерь. Помимо всего прочего он всецело надеялся на помощь своей супруги, которая, будучи русской, легко могла войти в контакт с местным населением и обеспечить мужа необходимой информацией о нуждах и чаяниях последнего. Герхард Штиллер был немного утопистом. Впрочем, он этого и не скрывал, и Ольга, понимая и отдавая отчет его тернистым исканиям, сознательно решила принести себя в жертву во имя светлых идей своего мужа. Она попыталась навести мосты с жителями В. со свойственной ей мягкостью и тактичностью, но понимание нашла далеко не везде. О том, что супруга нового коменданта – русская, весь небольшой городок знал уже на второй день. Это вызвало разные кривотолки и, как следствие, неоднозначное отношение к Ольге. Сама Ольга много о себе не рассказывала. Дарье она сообщила лишь, что родом из-под Царицына и что родители в Гражданскую вывезли ее из России. Отец, офицер Белой гвардии, умер от ран в румынском госпитале, после чего Ольга с матерью переехали в Берлин, но мать вскоре скончалась от чахотки, и Ольгу под свою опеку взял ее дядя, родной брат матери. Потом Ольга встретила Герхарда, и они счастливы в браке уже тринадцать лет. О муже она не рассказывала ничего, обмолвившись лишь однажды, что он принял на себя непосильную ношу, попросившись на восток комендантом в заброшенный среди западнорусских земель город В. Почему он так поступил, Ольга не сказала, осекшись на полуслове и поспешив свести разговор к бытовым вопросам.

Узнав, что Ольга – дочь белого эмигранта, многие дистанцировались от нее еще сильнее, наделяя непрошеную гостью обидными ярлыками. Ольга не осуждала их за это. Она все понимала и изначально была ко всему готова. Впрочем, были и те, которые ей искренне симпатизировали. К таковым относились, в основном, представители городской интеллигенции, не отягощенные тяжелым наследием гражданской войны и умевшие разглядеть помимо двух основных цветов своей эпохи богатую палитру человеческих чувств, страданий и изломанных судеб. К числу последних причислялся бургомистр города В., некий Левицкий, бывший юрист шестидесяти пяти лет, человек весьма положительный. Зимой сорок второго, при одобрении первого коменданта подполковника Краузе, он был избран главой местных органов самоуправления. Правда, Краузе всячески подавлял благие инициативы бургомистра и смотрел на него крайне подозрительно, поскольку Левицкий отстаивал права местного населения с риском для собственной жизни. Он неминуемо угодил бы в гестапо, если бы Краузе не был отозван в Германию усилиями своего ближайшего родственника, имевшего завидные связи в верхах. На его место и прибыл в марте сорок второго года оберст-лейтенант Герхард Штиллер. Бургомистр Левицкий стал первым представителем городского самоуправления, с которым новый комендант пожелал встретиться.

Не будет преувеличением заметить, что ни бургомистр, ни сам комендант не знали совершенно, куда заведет их этот разговор и каких болезненных тем он коснется. Штиллер решил действовать очень осторожно, не подвергая себя раньше времени излишним подозрениям. Так же осторожно действовал и бургомистр. Последний, отвечая неторопливо на банальные вопросы нового коменданта, пытливо всматривался в глубокий, серьезный взгляд его ясных, не по-арийски изумрудных глаз, стараясь изо всех сил предугадать интерес оберст-лейтенанта и просчитать возможные последствия своих не особенно откровенных ответов. Герхард Штиллер быстро это понял и от этого чувствовал себя еще более неловко, однако, продолжал аккуратно форсировать непростой диалог, выуживая из бургомистра нужную ему информацию.

– Скажите, г-н Левицкий, в чем видятся вам основные нужды местного населения?

Бургомистр отвел в сторону усталые выпцветшие глаза и, во избежание крамольных реплик, ограничился фразой, как-то:

– Не хватает рабочих мест, г-н комендант.

– Но ведь, насколько мне известно, новое начальство организовало рабочие места. Сколько всего в городе трудоспособного населения?

– Все указано в списках... Пожалуй, тысяч пятьдесят наберется...

– Мне известно, что в городе сохранились и действуют кое-какие предприятия.

– Действует только то, что отвечает интересам немецкой власти.

– А также я слышан о том, что многие жители откровенно голодают.

– Голодают? Да, некоторые действительно голодают, – медленно ответил бургомистр, делая акцент на слове «некоторые».

– Г-н Левицкий, я успел ознакомиться с ситуацией и намерен найти способ ее изменить, но мне необходимо заручиться вашей поддержкой. Скажите, могу я рассчитывать на то, что вам удастся убедить местное население вести себя, если можно так выразиться, более или менее мирно... Вы понимаете меня. Не потому, что они должны беспрекословно подчиняться новой власти. Это нужно, прежде всего, им самим. Я не хочу войны в тылу. Не это моя цель... Мы пойдем по примеру тех территорий, в которых новая власть не уничтожает, а, напротив, старается созидать сложившиеся порядок и устройство... Я понимаю, что мои начинания пройдут нелегко. Я не витаю в облаках, г-н Левицкий. Идет война. Неимоверно сложно заставить кого-то поверить в благие намерения немецкого коменданта, но тем не менее...

Герхард замолчал, подбирая слова для дальнейших убеждений. Бургомистр тоже молчал.

– Поверьте в мою искренность, – продолжил Герхард, не дождавшись ответа от своего собеседника. – Я очень надеюсь на вас. Мы должны объединить наши усилия ради порядка и спокойствия в городе. Кстати, где вы так хорошо выучили немецкий язык?

– В университете. Еще до революции. Стажировался в Германии в десятом году... Да, г-н комендант, я понял вас. Это очень благородно с вашей стороны... Я сделаю все, что в моих силах. Все, что делал до сего дня.

– Да, я слышан.

Герхард действительно был слышан о самоотверженном труде бургомистра. Бургомистр же, напротив, о Герхарде не знал ничего и потому никак не мог взять в толк, чему служила его рачительная благосклонность. Весь вечер и весь следующий день г-н Левицкий провел в размышлении. Он пытался понять, какую цель преследовал комендант и что таило в себе его загадочное «намерен изменить ситуацию к лучшему». Однако бургомистр сам был заинтересован в мирном сосуществовании города и его новой власти и потому немедленно приступил к делу. Перед ним стояла невероятно сложная задача, для решения которой он мобилизовал весь многолетний опыт своей юридической практики. Также Левицкий не преминул прибегнуть к помощи своего верного друга – супруги Софьи Карповны, которая не раз выручала его в последние месяцы. Софья Карповна посредством друзей и знакомых продвигала идеи своего мужа и немецкого коменданта в массы, просила, убеждала и приводила разного рода веские доводы:

– Наши придут, а город пустой и разрушенный. Так нельзя. Нужно пользоваться любой возможностью, чтобы его сохранить, чтобы дети могли учиться...

– Наши придут и скажут: не плохо вам тут при немцах жилось!

– Не скажут. И потом, патриотизм – это стремление сохранить Родину, а не разорить ее...

II

Нельзя сказать, что убеждения Софьи Карповны имели абсолютный и немедленный успех. Впрочем, на него никто и не рассчитывал. Герхарда не смущал тот факт, что действовать ему приходилось практически в одиночку, опираясь на помощь лишь немногих соратников, главными из которых были его супруга и чета Левицких. Немалых усилий коменданту стоили переговоры с другими представителями новой власти, наводнившими город, и с собственным начальством. Ему приходилось лавировать между ними и прикрывать свои доводы практичными методами командующего округом и политикой гражданского имперского министерства по делам оккупированных областей. Так, при их поддержке и одобрении оберст-лейтенант Штиллер смог, насколько это было возможно, вернуть город к нормальной жизни. Вершиной его стараний стало открытие литературного кружка в здании старого заводского клуба, где усилиями Ольги и Софьи Карповны была оборудована библиотека и начали проводиться литературные занятия, которые поначалу посещали самые смелые и заядлые книгочеи, в основном из интеллигенции. Позже в кружок потянулись и прочие горожане, отчего старый клуб скоро сделался ярким маящим огоньком, в свете которого стремились погреться многие жители небольшого города, единственным мостиком, связывающим их с прежней мирной жизнью.

Постепенно жители прониклись доверием и уважением к Ольге, и некоторые даже стали приглашать ее на чай. Ольга же, пользуясь случаем, всегда приносила с собой какие-нибудь продукты. Устраивались чаепития и в литературном кружке, и, если Герхарду случалось получить из Германии посылку от родителей, почти все ее содержимое неизменно оказывалось на столе в старом заводском клубе.

Коллеги Герхарда относились к этой бурной деятельности неоднозначно, однако, все соглашались с ее главным аргументом, покоящимся на поддержании в городе незыблемого спокойствия и порядка. В итоге Герхард снискал себе несколько новых союзников, в числе которых оказался и начальник штаба штурмбаннфюрер Алекс Грюмберг.

– Да, да, нам необходимо понять, что сохранить порядок здесь можно только одним способом: позволить местному населению почувствовать, что немецкая власть способна подарить им новую жизнь, о которой постоянно кричат наши листовки и плакаты, – не раз говаривал он. – Жестокость лишь ухудшает положение и подрывает доверие к нам. Браво Штиллер, вы в полном объеме реализуете планы нашего командования! Еще полгода, и жители вверенного вам города совсем не захотят, чтобы их освобождали. О вас пора писать на первых полосах газет!

Герхард отвечал сдержанной улыбкой и вежливым, едва заметным кивком. Он не спешил разубеждать Грюмберга в его ошибочных суждениях и позволял ему искренне радоваться достигнутым успехам, желая как можно дольше сохранить в тайне истинные намерения такого благополучия.

Особенно нелегко Герхарду пришлось летом сорок второго в период окончательного решения еврейского вопроса. Еще весной, вскоре после своего приезда в В., комендант незамедлительно навел справки о проживавших в городе евреях, но, то ли в В. совсем не было евреев, то ли бургомистру так хорошо удалось замести их следы, одним словом, несмотря на все усилия штабных вояк, комендант не смог предоставить им всей необходимой информации... Активная и не всегда удобная для руководства позиция оберст-лейтенанта Штиллера вызывала пристальное внимание со стороны его непосредственного начальства. А после того как Герхард осенью не допустил отправки в Германию местной молодежи, его незамедлительно вызвали к командующему округом.

– Не заигрались вы, Штиллер, в свою благотворительность?

Вопрос командующего отнюдь не вызвал у коменданта никакого удивления. И он молчал, ожидая, чем обернется надвигавшаяся на него гроза.

– Кто дал вам право игнорировать приказы командования?

– Я ни в коем случае не игнорирую приказов командования, г-н обергруппенфюрер...

– Да? А как вы назовете сорванную вами отправку рабочей силы в Германию? Я уже молчу о том, что пойманные в вашем городе нарушители порядка и приказов новой власти не расстреливаются на месте, а несут, как вы пишете в своих донесениях, принудительную трудовую повинность! Да, я осведомлен в полном объеме о вашем подходе, и поначалу он был мне весьма симпатичен, но, Штиллер, время теперь не то. Вы знаете, что творится на фронтах, я надеюсь? Вас что, прислали сюда в няньки или вы никогда не слышали о планах фюрера?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.